

Глава 5

Едва прозвенел звонок на урок, учительница Яо Сяоянь вошла в класс и первым делом со размаху грохнула стопкой поурочных планов о трибуну.

Тун Тун уткнулась носом в стол и еле слышно пробормотала:

— Понеслась...

— Посмотрите на свои работы! — Яо Сяоянь стеганула указкой по столу, и тонкая бумага контрольных жалобно зашуршала. — Простейшие задачи, а вы написали как кусок собачьего дерьма! Совершенно одинаковые варианты: кто-то сдал на полный балл, а вы? Пятьдесят! Шестьдесят! Позорище! Что, другие учителя преподают людям, а я тут свиней дрессирую?!

Руань И отложил свой лист.

За прошедшие пятнадцать минут он уже пересчитал все задания, где допустил вычислительные ошибки. В остальных промахах виной была логика решения. Судя по настрою Демоницы Яо, отчитывать класс она собиралась до самого звонка. Раз разбирать контрольную никто не планировал, Руань И решил не терять времени попусту. Он вытащил из стола купленный недавно сборник по математике и принялся быстро истреблять задачи на черновике.

Ораторские таланты Яо Сяоянь оставляли желать лучшего, зато брызги её слюны летели во все стороны без перебоя. Все сорок пять минут урока она поливала учеников бранью без единой паузы и лишь перед самым звонком, бросив напоследок злую угрозу, схватила планы и срывая голос выскочила из кабинета.

Первые три ряда оказались в самом эпицентре этой бури и вынесли главную тяжесть наказания. Стоило Демонице скрыться за дверью, как полкласса просто пластом полегло на парты, стелая от изнеможения.

Руань И отложил ручку и повернулся к соседке:

— Тун Тун, а кто у нас написал на максимум?

Он намеревался одолжить работу и самостоятельно разыскать верный ход мысли. Тун Тун приподнялась, окинула взглядом класс и ткнула пальцем в угловой стол предпоследнего ряда в четвёртой группе:

— Ну... это Линь Хэлай.

Руань И ощутил странный укол памяти — имя показалось ему до боли знакомым.

Учёба шла уже больше недели, но если бы Тун Тун не показала на него пальцем, Руань И так и не заметил бы его существования. Сутулый, худенький, с бледной кожей и длинной челкой, закрывающей половину лица, он забился в самый тёмный угол кабинета, куда почти не проникал солнечный свет. Настоящий увядающий гриб.

Поблагодарив одноклассницу, Руань И подошёл к Линь Хэлаю и тихонько постучал костяшками пальцев по его парте.

Парнишка вздрогнул всей тушкой. Он резко вскинул бледное личико, испуганно вылупив округлившиеся глаза, и замер, вцепившись пальцами в край формы, молча уставившись на Руань И.

Не ожидая такой бурной реакции, Руань И невольно смягчил тон:

— Привет. Я Руань И. Можно одолжить твою контрольную по математике?

Линь Хэлай пару секунд гипнотизировал его взглядом, после чего тихо пролепетал:

— Да... конечно.

Голосок у него был совсем тонким, нежным, будто парень так и не прошёл через мутацию, из-за чего звучал удивительно двусмысленно — то ли мальчик, то ли девочка.

Сидевший спереди здоровый, коренастый парняга громко выдохнул резкое «бля» с отвращением на лице. Но, развернувшись и не найдя у Руань И подобной брезгливой мины, лишь сопел и снова отвернулся.

Линь Хэлай бережно вытащил из учебника математики аккуратно сложенный вдвое лист и протянул его Руань И.

— Спасибо. Верну после обеда.

— Ничего страшного, — поспешно прошептал тот. — Я не тороплюсь.

Руань И развернулся к своему месту, но, сделав всего пару шагов, оглянулся.

На спине школьной куртки Линь Хэлая тёмными шрамами отпечатались многочисленные росчерки шариковой ручки — толстые, тонкие, а кое-где виднелись частые, словно колотые раны от иголок, чернильные точки.

Эти точки укололи Руань И прямо по нервам.

Он мгновенно вспомнил, где и при каких обстоятельствах слышал имя «Линь Хэлай».

В прошлой жизни в выпускном классе его закинуло в обычный, так называемый «параллельный» класс, где учиться не хотел ровным счётом никто. Руань И не был исключением: каждый день в школе он просто валялся на парте и спал. А когда не спалось — тупо залипал в одну точку, лень было даже голову поднять.

И вот однажды до его слуха долетели смутные обрывки чужого разговора — болтали о том, что какой-то ученик из Шестой средней школы утонул.

История казалась странной. В Шестой средней школе едва ли нашлся бы хоть один человек, не умеющий плавать.

Янцин вдоль и поперек пересекали притоки Янцзы, а сама школа располагалась у самой реки. Поговаривали, раньше каждый год кто-то из учеников уходил под воду. Позже руководство выложило кругленькую сумму на реконструкцию спорткомплекса, обустроив на крыше два бассейна под открытым небом. С первых же дней старшеклассников начали в обязательном порядке учить плаванию. В конце первого года сдавали зачет: не справился — учись на втором году заново.

Так что плавать умели абсолютно все. Даже если хреново, дергаться в воде и удерживать тушку на плаву мог любой.

И тогда Руань И услышал, как кто-то вполголоса бросил:

"А вдруг это самоубийство?"

Такая версия будоражила кровь куда сильнее обычной трагедии. Класс мгновенно загудел:

— Серьёзно?!

— Может, переутомился из-за учебы?

— Слушайте, если он реально из-за давления выпилился, школу теперь проверками задолбают, да? Молить о пощаде будут!

Рядом с Руань И тогда сидела девица с вызывающим макияжем — ходили слухи, что она с младших классов путалась с местными хулиганами и имела авторитет среди всякой шпаны. Она как раз покрывала ногти ядовито-черным лаком. Послушав эти глупые домыслы, она вдруг фыркнула:

— Что за херню вы несете? — Девушка подула на блестящий лак. — Парня звали Линь Хэлай, и он был гей. Об этом уже вся школа знает, вы же, в танке жили?

Резкий, едкий запах химикатов ударил в нос. Быть может, дело было в этом запахе, а может — в самой новости, но имя «Линь Хэлай», услышанное лишь единожды, намертво въелось Руань И в память.

Настолько глубоко, что он помнил его до сих пор.

Руань И ещё раз бросил взгляд на Линь Хэлая. Исколотая и измазанная пастой спина парня казалась невыносимо, режуще изгаженной.

Едва прозвенел звонок с последнего урока, ученики выплеснулись из кабинетов толпой. Лестницы и коридоры мгновенно забились гудящей человеческой массой, медленно сползающей вниз подобно тёмному муравейнику. Руань И остался на месте, штудировав контрольную Линь Хэлая. Он выделил несколько изящных, остроумных решений и до мельчайших деталей разобрал в голове каждый шаг.

Спустя полчаса учебный корпус окончательно опустел. Руань И поднялся и неспешно пошёл вниз по пустой лестнице, но уже на четвёртом этаже столкнулся с поднимавшимся навстречу Лу Бинчэнем.

Лу Бинчэнь держал в руках увесистую сумку-термос. Завидев Руань И, он расплылся в улыбке:

— А я как раз к тебе. Тут кровати отличные, да и рис с нори у них известный — попробуй.

Руань И не намеревался вступать в разговор и попытался молча обогнуть его. Но куда бы он ни шагнул, Лу Бинчэнь неизменно преграждал ему дорогу, словно личный перехватчик. После третьей попытки Руань И замер. Если кто-то увидит эту сцену, позора будет не обернуться.

Лу Бинчэнь осторожно потянул его за край пиджака и тихо проговорил:

— В школу доставщиков не пускают, мне пришлось самому бегать к воротам. Жара дикая. Сделай одолжение, съешь хоть кусочек.

Руань И молчал.

— Просто обед, ничего больше... — Лу Бинчэнь всматривался в его отрешённое лицо, ощущая, как грудь царапают кошки. Он поджал губы: — Неужели я тебе настолько противен?

Руань И понял: этот упрямец встал намертво и с места не сдвинется. Пришлось пойти на уступку:

— Перестань приносить еду. Ни завтра, ни потом. Если согласен — я поем с тобой.

Лицо Лу Бинчэня едва не перекосило от злости, но уже через пару секунд он сдержался и лишь тяжело, сквозь зубы фыркнул. В этом звуке слышалось глухое разочарование и обида.

Руань И ожидал, что тот вспыхнет. Для любого другого слова Руань И выглядели бы компромиссом, но для избалованного барчука вроде Лу Бинчэня это звучало как откровенная пощёчина.

По натуре Руань И был человеком, на которого бесполезно давить, но который легко сдавал позиции перед чужой уязвимостью. Хоть его намерение держаться от Лу Бинчэня за тысячу ли оставалось незыблемым, видеть его в таком состоянии было тошно. Руань И забрал из его рук сумку-термос:

— Пошли в столовую.

— А?

— В классах есть запрещено.

Пик обеденного перерыва миновал, и в огромном зале столовой осталось лишь несколько запоздалых учеников. Руань И выбрал случайный столик. Лу Бинчэнь сел напротив, расстегнул термос-сумку и выставил на стол такое изобилие, что места едва хватило.

По правде говоря, вид и запах блюд были безупречны. Руань И узнал логотип на упаковке — эмблему самого роскошного ресторана Янцина, принимавшего не более десяти гостей в день. Говорили, бронировать там столик приходилось за год, а то и за два. Лу Бинчэнь подцепил палочками золотистую креветку в темпуре и слегка постучал по ней:

— Вроде бы кляр не размяк.

Он переложил хрустящую креветку в пиалу Руань И, смешал для него соус и подвинул тарелочку ближе:

— Я отдельно попросил, чтобы тертую редьку сделали помельче. Оцени, как тебе?

Под его пристальным взглядом Руань И откусил кусочек. Это был, пожалуй, самый дорогой обед в его жизни — и одновременно самый изнурительный. Лу Бинчэнь обладал редким даром обставлять свою «заботу» так естественно, что любой отказ выглядел капризом и глупой

жеманностью. Разве не так варят лягушку на медленном огне? Пока соображаешь, что к чему, уже сварился.

Руань И решил придерживаться тактики трех «не»: не слушать, не смотреть, не брать в голову. Он уплётал еду, мысленно возвращаясь к разбору контрольной. Шаги решений он помнил почти назубок, но ему этого казалось мало — он с удовольствием крутил в голове логику задач: почему дополнительную линию нужно провести именно так, откуда вытекает следующий вывод... Это увлекало.

Лу Бинчэнь прождал добрых десять минут. Видя, что Руань И лишь молча уминает за обе щеки и не обронит ни слова, он чуть не переломил палочки пополам. Бросив приборы, он упёрся подбородком в изящно сложенные пальцы и уставился на собеседника:

— Ты же обещался составить мне компанию за обедом?

Руань И, спокойно отправив в рот запечённую устрицу, ответил без тени смущения:

— Я именно этим и занимаюсь.

— Ты просто ешь, — Лу Бинчэнь сжал кулаки и тихо прошипел: — А не проводишь время со мной.

В прежние времена, в старшей школе, они часто обедали вместе. Но тогда Руань И был совершенно другим. Нынешний Руань И сидел прямо перед ним, но казался бесконечно далёким, словно разделяли их не метры, а тысячи ли.

И это ощущение Лу Бинчэню катастрофически не нравилось.

Руань И вскинул взгляд:

— И как, по-твоему, я должен проводить с тобой время?

— Я хочу, чтобы ты смотрел на меня, улыбался, подкладывал мне лучшие кусочки и разговаривал со мной, — Лу Бинчэнь неожиданно усмехнулся. — Да много чего ещё можно делать за едой... Я просто боюсь тебя напугать, вот и выбрал самое безобидное.

— Мечтать не вредно, — отрезал Руань И.

Он протянул палочки к морскому ежу с перилла. Но стоило ему подцепить деликатес, как Лу Бинчэнь подался вперёд и аккуратно прикусил кончики его палочек.

Лу Бинчэнь был безупречно хорош собой, особенно под таким углом — сверху вниз. В его слегка раскосых глазах вспыхнул и заиграл опасный огонёк. Главной чертой его натуры всегда оставалась надменность, высокомерие человека, привыкшего смотреть на мир свысока. И когда столь гордый тип вдруг смотрит на тебя снизу вверх с такой нескрываемой поволокой, это создаёт почти болезненный, пьянящий контраст.

Руань И оцепенел.

Он подсознательно попытался выдернуть палочки, но Лу Бинчэнь держал их мёртвой хваткой.

Тот не отступал: прижав острые зубы к дереву, он лениво и дерзко щурился.

Руань И прекрасно знал, насколько Лу Бинчэнь эгоистичен и своенравен. Если уж ему взбрело что-то в голову — плевать он хотел на место, время и приличия. И, разумеется, никто не смел перечить его капризам. Но одно дело знать, и совсем другое — столкнуться с подобной выходкой прямо в школьной столовой, у всех на виду.

Руань И насупился:

— Ты что творишь?

— Хочу морского ежа, — с невинным видом хлопнул ресницами Лу Бинчэнь.

Не желай Руань И избежать лишнего шума, он бы сходу швырнул эти палочки ему в физиономию.

— Зубы разжми.

— Покорми меня, — фыркнул Лу Бинчэнь.

Руань И пару секунд мерил его ледяным взглядом, после чего просто разжал пальцы, поднялся из-за стола и шагнул прочь.

Но Лу Бинчэнь с молниеносной реакцией сгреб его за запястье и, перемахнув длинными ногами через скамью, мгновенно оказался рядом. Перехватив стул, он уселся и с силой притянул Руань И к себе, не выпуская его руки, и весело спросил:

— Ты чего? Разозлился? Или засмутился?

Руань И посмотрел на него с жгучим отвращением:

— Смутился? С чего бы? Мне просто тошно.

Лицо Лу Бинчэня в мгновение ока одеревенело.

Сдавив тихий смешок, он внезапно выбросил руку вперёд и сгреб Руань И за поясницу, силой притягивая к своей груди. Нагнувшись к самому его уху, он сквозь зубы процедил слово за словом:

— Вот как? Значит, тошно?..

Сжав челюсти, Руань И молча вырвался из его мёртвой хватки и быстрыми, широкими шагами покинул столовую.

<http://bllate.org/book/20540/2106556>